

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
2 (64-65)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 5 6

ИСТОРИЯ МАР ЯБАЛАХИ И САУМЫ

В 1888 г. Беджаном был впервые издан сирийский текст „Истории мар Ябалахи и Саумы“, неизвестный до того и не имеющий параллелей на других языках.¹ В 1895 г. с этого издания был сделан перевод на французский язык Шабо, который снабдил его примечаниями.² В том же году Беджан переиздал этот памятник в значительно исправленном виде, с более верными чтениями отдельных слов, с подстрочными замечаниями.³ С этого текста нами сделан полный русский перевод памятника, который еще не опубликован.

Неполный английский перевод „Истории мар Ябалахи и Саумы“ был издан Монтгомери.⁴ Полный английский перевод принадлежит известному английскому востоковеду Бёджу, снабдившему свое издание обширной вводной статьей и иллюстрациями.⁵

„Хождение“ XIII в. на сирийском языке представляет большой интерес. Оно сообщает сведения, не известные из других источников о времени монгольского господства на Ближнем Востоке, так как хронологически история охватывает время от 1245 до 1317 г.

Два монаха прошли длинный путь через всю Азию из Пекина, чтобы достигнуть Междуречья, а целью их было посетить Иерусалим. Описание их путешествия дает представление о том, с какими трудностями они встретились в пути, какие города были основными пунктами их итинерария, в каком состоянии были дороги, каким образом приходилось улаживаться с монгольскими владыками, чтобы пройти через многочисленные области и провинции, захваченные ими.

Пекин, „столица земли восточной“, был назван монголами Хан-балык, под этим названием он и упоминается в нашем памятнике. В Хан-балыке

¹ Histoire de Mar Jabalaha patriarche et de Rabban Çauma. Paris, 1888, 185 стр.

² Histoire de Mar Jabalaha III... et du moine Rabban Cauma, traduit du syriaque et annotée par J. B. Chabot. Paris, 1895, 278 + 8 стр.

³ Histoire de mar Jabalaha et de trois autres patriarches... (textes syriaques), ed. P. Bedjan. Paris, 1895, стр. 1—205. (В дальнейшем даны страницы по этому изданию сирийского текста).

⁴ J. A. Montgomery. History of Yaballaha III. New York, 1927, стр. 3—99.

⁵ E. A. Wallis Budge. The monks of Kublai khan emperor of China. London, 1928, стр. I—XIII, 1—335.

жил один христианский клирик, несторианин, по имени Шебан, в семье которого родился сын, названный Саумой. Он получил образование, так как его „поручили достойному учителю“, он „усердно обучался церковным наукам“, стал монахом. Затем он ушел из города и поселился на расстоянии „пути одного дня“ в пещере, около которой был источник воды. Через некоторое время к нему присоединился юноша, по имени Маркос, сын архидиакона Баниеля из „города Кошанга восточной земли“.

Несколько лет спустя (в 1278 г.) у них явилось желание отправиться в Иерусалим. Старший из них, раббан Саума, стал было уговаривать Маркоса отказаться от этого намерения, он „пугал его тягостями пути, утомлением передвижения, страхом дорог, опасностями чужбины“, но Маркос „возгорелся идти“ и не отступал. Они обоюдно дали обещание не покидать друг друга, „не отдаляться от товарища и даже принять за него все тягости“. Затем они „поднялись“, роздали свое имущество и направились в Хан-балык, где хотели „найти спутников в дорогу и запастись пищей“. Здесь их стали уговаривать не пускаться в опасный путь, но они оставались твердыми в своем намерении. Отсюда они отправились в Кошанг.

В Кошанге в то время правили „зятья царя царей — хана, Конбоха и Ифоха“, которые пожелали видеть собиравшихся на запад монахов. Некоторые подробности представляют большой интерес; так, Конбоха и Ифоха жили, очевидно, не в городе, а в условиях привычной для них кочевой жизни, в палатках, „в лагере“ — *кблхлз*. В обращении к монахам ханы говорили, что „стремятся привлечь с запада монахов и отцов“ к себе, „в эту сторону, и не хотят допустить, чтобы они ушли“. Путешественники настаивали на своем отъезде, тогда монгольские правители отпустили их, дав в дорогу вьючных животных, золото, серебро и одежду. Но те ответили: „Нам ничего не нужно. Что мы будем делать с имуществом? Как можем мы вести такую тяжесть?“ (стр. 16—17). Цари ответили им: „Вы не знаете длины этого пути и расходов, которых он требует, а мы знаем и советуем вам не ехать пустыми (т. е. ни с чем), потому что вы не сможете достигнуть наменченного (стр. 17). Взяв подарки, они двинулись, и следующей остановкой на их пути был Тангут, т. е. государство Сися в Центральной Монголии. Биограф считал нужным оправдать то, что монахи взяли с собой богатое имущество.

Уже приведенные выше сообщения сирийского памятника говорят о том, что несторианство завоевало достаточно прочные позиции в Китае к XIII в. Это явилось следствием длительных торговых сношений сирийцев с Дальним Востоком и наличия их колоний не только в городах Средней Азии, как в Мерве, на берегах Иссык-Куля, но и на Малабарском побережье Индии, в оазисах „шелковой дороги“ и, наконец, в Пекине и Кошанге. Во многих случаях сирийский язык этого

пришлого населения уступал местному языку, который становился их языком. В частности, Маркос Ябалаха изъяснялся на монгольском языке и плохо знал, или совсем не знал, сирийский; что касается Саумы, то он знал оба языка. Примером смешения языков являются сиро-тюркские надгробные надписи из Семиречья, открытые и изученные нашими отечественными исследователями Д. А. Хвольсоном и акад. П. К. Коковцовым.

Известно, что принадлежавший к Тангутской области город Хара-Хото, занесенный песками, скрывал немало разноязычных рукописей. В числе его сокровищ находились и три фрагмента, два из которых написаны на сирийском языке, а третий является единственным известным фрагментом сиро-тюркской рукописи. Текст этой уникальной рукописи опубликован нами с подробным описанием, чтением и переводом.¹ Найденные в Хара-Хото рукописи указывают на то, что в этом городе была, очевидно, большая несторианская колония. „Вера тангутов горяча и чист их помысел“, — сообщает источник, и когда сюда прибыли монахи Саума и Маркос, то навстречу им вышли „мужчины и женщины, молодые и отроки, юноши и дети“ (стр. 18).

Таким образом, результаты раскопок и сообщение сирийского памятника XIII в. подтверждают друг друга и создают впечатление о значительном распространении несторианства и сирийской письменности на Дальнем Востоке.

Получив подарки и напутствия, путешественники отправились дальше. Перед ними лежал тяжелейший путь через пустыню на Лотан, или Лолан. Его можно было пройти лишь в течение двух месяцев, „с утомлением и тягостью, потому что это необитаемая пустыня и она лишена обитателей, так как воды ее горькие и ничего в ней не произрастает. На всем пути трудно и через восемь дней найти в ней сладкую (т. е. пресную) воду, чтобы взять в дорогу“ (стр. 18).

Шабо предложил читать не Лотан или Лолан, а Хотан, к которому путь пролегал по огромным пустынным областям.² Между тем в это время имела место жестокая вражда между Хубилай-ханом и царем Охо. Последний, вторгнувшись в эти области, уничтожил тысячи людей, перерезал дороги и пути, так что не было возможности найти зерна и многие умерли от голода. Это один из примеров того, каким жестоким бедствием были постоянные междоусобия и к каким тяжелым результатам приводило прекращение нормального движения по дорогам. Путешественникам только через 6 месяцев с большими трудностями удалось достигнуть Кашгара. Но они нашли его опустошенным и разграбленным врагами, а население бежавшим. И на этот раз они избежали плена и ограбления разбойниками.

¹ Сов. востоковедение, т. I, 1940, стр. 243—251.

² J. V. Chabot, ук. соч., стр. 22, прим. 1.

Следующим этапом путешествия Саумы и Маркоса был Талас, где они посетили царя Кайдю, внука Чингис-хана и сына Огатая. „Они попросили у него приказа, чтобы в его стране никто им не вредил“. Такая охранная грамота была им очевидно дана и все же с большими трудностями в „сопровождении страха“ они, наконец, достигли Хорасана (19). В дороге они потеряли значительную часть своего имущества, „множество из того, что было с ними, пропало в дороге“, пишет автор „Истории“. На отдых Саума и Маркос остановились в монастыре близ Туса, городе, памятном тем, что в нем родился (около 940 г.) и умер (около 1020 г.) великий поэт—творец Шах-намэ. Родной город Фирдауси был столицей Хорасана. В его окрестностях находился монастырь мар Сехиона, в котором расположились путешественники, где они почувствовали себя в безопасности и, когда отдохнули, то стали считать, что „они наново родились в мир“ (стр. 20). „Насладившись общением с братьей“ этого монастыря и, конечно, покоем и отдыхом, путешественники двинулись дальше. Они направились в Адорбайган (Азербайджан), чтобы оттуда пройти в Багдад, к каталикосу мар Денхе, т. е. к главе несториан. Но Денха в это время прибыл в Марагу, где они и встретились. Каталикос занимал видное положение в государстве монголов, представлял своих единоверцев перед ханом и стремился облегчить их положение, хотя неоднократно делался объектом клеветы и интриг и сам попадал в заточение. Положение каталикосов было аналогично положению русских митрополитов в их сношениях с Золотой Ордой, где они предстательствовали за Русь. Марага, город находящийся в Азербайджане, был столицей Хулагу-хана, которым здесь была построена обсерватория для знаменитого астронома Наср ад-Дина.¹

После того как пришельцы приветствовали Денху, он спросил их: „Откуда вы?“ Они ответили, что пришли „из земель восточных, из Хан-балыка, города царя царей, хана“ для того, чтобы отправиться в Иерусалим, и просили, чтобы он им в этом помог. Денха поразился их длинному и тяжкому пути и обещал им, что они „достигнут своей надежды“ и вместо горестей и притеснений получат воздаяние. После чего они остались в течение нескольких дней с ним.

Затем они обратились к нему с просьбой: „Если мы нашли благоволение в глазах нашего мар-отца, пусть разрешит он нам пойти в Багдад... а оттуда мы пойдем в монастыри области Бет Гармай и в Нисябин“. Это путешествие на юго-запад, в направлении к Иерусалиму, который оставался целью их хождения, было длительным и утомительным. Мар Денха „написал им пропуск для этих земель, чтобы куда они ни придут, их почитали. Он послал с ними мужа, чтобы он показывал им дорогу и направил в пути“ (стр. 23). Охранная гра-

¹ J. V. Chabot, ук. соч., стр. 27, прим. 3.

мота была, очевидно, необходима, и путешественники достигли Багдада в сопровождении провожатого, данного им каталикосом.

Затем путешественники посетили старый центр Селевкию-Ктесифон, а оттуда отправились в область Бет Гармай, а затем — по городам, посетив Арбел, Моссул, Синджар (Шигару), Нишибин и Мардин. Все эти города связаны с историей несторианства и были центрами, в которых жили его многочисленные представители. Эти города были также ремесленными и торговыми, в них сирозычное население и являлось наиболее зажиточным, активным, поддерживавшим торговые связи с отдаленными пунктами на востоке и западе, где они имели свои фактории.

В области Бет Забдай, или Забдицены, они посетили Газарту, или Джезире ибн Омар, но затем вернулись в монастырь мар Михаила Таривальского близ Арбела. Здесь они купили себе келию, в которой и поселились, так как монастырь состоял из отдельных келий и не был общежительным монастырем.

Между тем каталикос Денха, узнав об этом, вызвал их к себе. Чрезвычайно интересно и характерно то, что он им сказал: „Мы слышали, что вы приняты в монастырь, и это нам не нравится, потому что, если вы поселились в обители, вы достигнете мира для самих себя и все. Если же вы будете с нами, вы послужите на пользу и общему миру. Итак, оставайтесь у нас и при царском дворе и помогите (нам) достигнуть чего-нибудь через вас“ (стр. 24). Положение на Ближнем Востоке после монгольского завоевания и под игом чингисидов было, конечно, тяжелым. Пришедшие с Дальнего Востока отцы были хорошо знакомы с обычаями и нравами монгольских владык и знали их язык, так как, по свидетельству Барэбрея, они были уйгурами.¹ Денха по-этому справедливо полагал, что они могут оказать ему услуги, переговорить с ханом, выхлопотать ему ярлык, причем это принесло бы пользу общему делу, а главным образом уладило бы мирную жизнь измученного населения. В ответ на обращение Денхи Саума и Маркос сказали: „... что бы ты ни приказал нам, отец наш, мы сделаем“. Каталикос просил их пойти к хану Абаге и „взять“ для него „приказы“ — *ruqdan*, т. е. соответствующие грамоты или ярлыки. Путешественники пообещали ему это, но с условием, чтобы с ними был послан человек, который „взял бы приказ и привез его вам, а мы оттуда отправимся в Иерусалим“ (стр. 25).

Абага-хан, сын Хулагу-хана, наследовал ему в 1265 г. Из того, что сообщает „История Ябалахи и Саумы“ очевидно, что его ставка находилась в это время где-то в отдалении от Мараги, куда, повидимому, призвал Денха монахов, так как они не захотели даже делать обратного

¹ Barhebréus. *Chronicon ecclesiasticum*, ed. Abbelos et Lami. Parisiis, Lovanii, 1877, т. 3, столб. 441. — J. В. Chabot, ук. соч., стр. 11, прим. 5.

пути, а решили сразу ехать дальше. „Когда они прибыли в лагерь“, то эмиры провели их к хану. Сирийское *mešrita* — это „лагерь“, „временное местопребывание“, „кочевая или полукочевая стоянка“.

Абага-хан принял Сауму и Маркоса, спросил их о том, чего они желают, и, узнав, „приказал знатным своего государства исполнить их просьбу и дать им приказы, как они просили. Приказ же, что просил мар-каталикос, ему послали с посланцем, а они (т. е. Саума и Маркос) с товарищами отправились в Иерусалим“ (25). Однако это желание осталось неисполненным. Дорога, которой они предполагали двинуться, лежала через Ани, где путешественники были поражены „множеством строений и их красотой“. Чтобы следовать затем „верной дорогой“, они направились в Гургайе (Гурзан). Шабо предположил, что это была дорога в Грузию, откуда наши путешественники имели намерение отправиться дальше на кораблях.¹

Но нам представляется положение несколько иным. По тексту ясно, что речь идет о сухопутной дороге: „Но когда они прибыли туда, они узнали от местных жителей, что та дорога (т. е. та, о которой они говорили как о „верной дороге“) перерезана (= прервана) из-за убийств и грабежей, которые там случились“ (стр. 26). Так могло быть сказано только о сухопутной дороге. Речь шла, очевидно, о знакомом и принятом пути в Сирию и Палестину из этих мест, нарушенном вследствие монгольских завоеваний. Данные нашего источника превосходно показывают, насколько неправдоподобна и ложна точка зрения некоторых исследователей, будто при монголах было создано сравнительное благополучие и дороги были, так сказать, в руках одних и тех же господ. Наоборот, нашествие монголов было великим бедствием для Ближнего Востока, оно расстроило всю экономику, безжалостно растоптало поля и виноградники, разрушило производительные силы. В том числе было нарушено движение по тем дорогам, которые оказались в руках разбойников и грабителей, и обычный путь и обмен был нарушен.

Саума и Маркос были вынуждены вернуться. Они пришли к тому же каталикосу, который им сказал, радуясь их возвращению: „Не время теперь идти в Иерусалим, ибо дороги нарушены и пути отрезаны“ (стр. 26). Таким образом, здесь, как и в дальнейшем, нет данных, будто бы отцы смогли достичь самого Иерусалима. Между тем арабское сокращенное жизнеописание говорит иное.

В изложении Амра и Слибы говорится, что оба добрались до Иерусалима и там искупались в водах Иордана и поклонились всем святыням „великого города“.² Дефектна ли сирийская „История“, или арабский

¹ J. V. Chabot, ук. соч., стр. 34, прим. 2.

² Liber Turris. Maris, Amrae et Slibae, de patriarchis Nestorianorum commentaria ed. Gismondi. Roma, 1896, 1897, стр. 71.

составитель прибавил от себя эти подробности, сказать трудно, но они отсутствуют в сирийском тексте и поэтому не создается уверенности в правдивости этих сведений.

Мар Денха намеревался по-своему решить судьбу двух пришельцев. Он решил дать им высокие чины, сделав одного митрополитом, другого периодевтом, и направить их обратно „в ваши области“. Для каталикоса несториан это было бы существенным моментом, так как это закрепило бы и сделало бы более прочной связь между главой всех несториан и его далекой паствой в Китае. Но Денха наткнулся на сопротивление, Маркус и Саума не захотели возвращаться обратно: „Мы не пришли оттуда, чтобы вновь туда отправиться обратно. И мы не думаем, что после таких тягостей, что мы претерпели, следует их повторно претерпевать, ибо глупец тот, что дважды спотыкается о тот же камень“ (стр. 27). Они предпочитают остаться здесь и никуда не уходить. Повидимому, с Денхой им пришлось согласиться, так как Маркос, получивший имя Ябалахи, был им поставлен в епископы 35 лет от роду, в 1280 г. для областей Катаи и Уанг,¹ а Саума получил звание периодевта.² Оба они получили соответствующие их новым званиям „мандаты“. „Спустя немного дней, — сообщает далее источник, — распространился слух, что дорога, по которой они прибыли, совершенно отрезана и никто не может пройти, потому что поссорились отряды двух пограничных царей по ту и по другую сторону Джихуна“ (стр. 29). На Оксе—Аму Дарье разыгралась очередная междоусобица и прервала всякую возможность движения по дорогам, так что путешественники вернулись обратно, что соответствовало и их личному желанию. Они вернулись и вновь поселились в монастыре Михаила Таризельского у Арбелы, где и прожили около двух лет.

К этому времени заболел каталикос Денха в Багдаде, где он находился. Туда выехал Маркос — Ябалаха, он присутствовал на похоронах Денхи, а затем был предложен бывшими там епископами в качестве каталикоса. И здесь выясняется ряд подробностей, которые имеют существенное значение для понимания всей обстановки того времени, для определения роли несторианства.

Источник сообщает об этом так: „Причиной его избрания было то, что цари, державшие кормило правления всего мира, были монголы (مغول) и не было никого, кто бы так знал их обычаи, обхождение с ними и их язык, как он.

„Когда сказали они ему это, он отказался от сказанного ими и приводил доводы: «Мне недостает правил и знаний церковных, я неспособен к красноречию, как я могу стать этим (т. е. каталикосом)? А также

¹ Катаи — северный Китай; Уанг — область, орошаемая рекой Хуанхе — Желтой рекой.

² Представитель каталикоса, его заместитель в данных областях.

я не знаю вашего сирийского языка, который совершенно необходим» (стр. 34).

Таким образом, не только Ябалаха не был сирийцем, но он даже не знал сирийского языка. Отсюда следует и другой вывод. Несториане должны были иметь необходимые книги в переводе на местные, дальневосточные языки. Для XIV—XV вв. известны сиро-тюркские надписи, которые были найдены в Семиречье. Находит свое место и уникальный сиро-тюркский фрагмент из Хара-Хото, он объясняет и подтверждает, что такого рода литература должна была существовать, что какой-то канонический минимум имелся в переводе на тюркско-монгольские языки. Избрание Ябалахи говорит о том, что сложное политическое положение на Ближнем Востоке было обусловлено „мировым“ господством монголов. Пусть Ябалаха не знал сирийского языка, но он в совершенстве объяснялся на монгольском, знал обычаи, нравы и обхождение с монголами, а это и было самым главным в этот момент для несторианского населения державы чингисидов.

Не лишены интереса подробности, кто именно подтвердил желание видеть Ябалаху каталикосом. Так как смерть Денхи и избрание Ябалахи имели место в Багдаде, то кроме духовенства названы — „знатные, писцы и врачи Багдада“ (стр. 34). Это были, следовательно, группы городского населения, принадлежавшие к несторианству: городская знать, главным образом торговая, врачи — многочисленная конгрегация, пользовавшаяся широкой известностью, и писцы, под которыми подразумеваются все связанные с письменностью профессии.

Между тем дело с пришельцами обстояло не так просто. В хронике Барэбрея, монофизита, который по этому одному имел возможность войти в подробности и не придерживаться панегирического тона, сообщается, что назначение периодевром, т. е. мафрианом, Саумы в 1268 г. не встретило единодушного признания. Возражения касались тюркского происхождения Саумы и вероятно Маркоса—Ябалахи, так как говорится о том, что некоторые были недовольны тем, что им придется судиться у мафриана-периодевта из „гуннов-варваров“. На обязанности периодевта лежали судебные функции, которые он выполнял относительно клира, т. е. судил клириков, они же считали, что рассудят свои дела сами, „между собой“, а не допустят разбирать их „гуннам“, как они называли тюрков и монголов.¹

Ябалаха был поставлен каталикосом в 1281 г.² после того, как его кандидатура была утверждена ханом Абагой, к которому он прибыл на Черную гору (по-персидски Сайкух) в Азербайджан, где было летнее местопребывание хана (стр. 35). Не лишен колорита церемониал, сопровождавший согласие хана на то, чтобы Ябалаха был поставлен катали-

¹ Barhebraeus. Chronicon ecclesiasticum т. 3, стлб. 439—440.

² Там же, стлб. 565—567.

косом. После того как он был представлен Абаге как митрополит, прибывший „из стран восточных, чтобы отправиться в Иерусалим“, и хан выразил свое согласие видеть его главой несториан, он взял за руку мар Ябалаху и сказал ему: „Будь силен и прав“. Затем он „покрыл ему голову плащом, ибо его плащ был наброшен на его плечи, дал ему свое седалище, которое было небольшим тронем, а также зонтик, называемый по-монгольски «сукор». Его открывали и держали над головой царей, цариц и их детей, чтобы ослабить силу солнца и дождя, чаще же осеняли ими ради чести“ (стр. 36). Но наиболее существенным было то, что хан Абага дал Ябалахе золотую „пайдзу“, „которая есть символ этих царей и обычные приказы , что он властвует над всем (стр. 37) с большой печатью, которая принадлежала предшествующим патриархам“. Он подарил ему деньги ввиду больших расходов, с которыми была связана его новая должность.

Известны Минусинская и Ньюкская пайдзы в форме вытянутого прямоугольника с округленными краями и дыркой. Их квадратный текст переведен следующим образом: „Силою вечного тенгри. Имя императора да будет свято. Тот, кто не будет относиться с благоговением, совершит проступок и умрет“. Боготольская пайдза круглая с колечком сверху, текст ее следующий: „Силою вечного тенгри. Указ императора. Тот, кто не будет с благоговением относиться, да будет виновен“.¹

Ярлыки хана и золотая пайдза окончательно утвердили за Ябалахой согласие Абаги-хана на то, чтобы он занял должность каталикоса. Кресло, или трон, и зонтик, „сукор“ были признаком высокого положения. Это сходится и с данными Марко Поло, который сообщает в главе 80, что всякий получивший золотую пайдзу пользовался и этими знаками отличия. Пайдзу обычно сопровождал и ярлык.

Только после официально данного ханом согласия Ябалаха принял хиротонию (посвящение) в древнем храме Бет Коке в Селевкии—Ктесифоне. Большого внимания заслуживает список присутствовавших на церемонии высших несторианских клириков, так как указаны названия городов, из которых они прибыли и где жили. Это дает прекрасный материал для определения географического распространения несториан, а следовательно, их колоний и факторий. До настоящего времени роль несторианства на Ближнем и Среднем Востоке все еще недостаточно изучена, между тем до великих географических открытий и появления европейцев их роль была очень значительной.

Жизнеописание точно указывает возраст мар Ябалахи — 37 лет и год его посвящения — 1593 г. греков, т. е. 1281 г. н. в.

Большой интерес представляет тот факт, что положение Ябалахи было упрочено Абагой материальными дарами. Зимой того же года хан приехал в Багдад, где он принял прибывшего к нему каталикоса.

¹ Н. Н. Поппе. Квадратная письменность. М.—Л., 1941, стр. 78—80.

Ябалаха рассказал ему о положении христиан и „нашел благоволение в его очах“ (стр. 38). Хан не только богато одарил его, но сделал больше, упрочил за ним сумму в „180 тысяч белых зузе“ или „300 динариев“, которые Абага предоставил ему на содержание клира и монастырей. Эта сумма „собиралась“ каталикосом „с различных областей“, т. е. он получал ее типично феодальным способом. Функция государства, сбор податей, была передана ему, он собирал их сам в свою пользу. Это существенный момент, указывающий на то, что при монголах феодализация была в полном ходу, а также на то, что представители сироязычного населения на Востоке пользовались льготами и поддержкой, в связи с тем, что это население было необходимо ханам, как мощная экономическая сила. Города, их ремесло и торговля были в руках сирийцев, а клирики играли немаловажную роль как верхушка этого общества. Именно они являлись и крупными феодалами, держателями, зависевшими от хана. Они получали право на феодальную эксплуатацию, на сбор податей.

После смерти Абаги ему наследовал Ахмед, сын Хулагу, при котором Ябалаха и Саума впали в немилость. В очередной борьбе за престол были пущены в ход клеветы и наветы, и оба названных лица были обвинены в симпатиях и поддержке хана Аргуна, сына хана Абаги. В Хорасане войска Ахмеда были разбиты, победа осталась за Аргуном (1284 г.), который и захватил престол. Ябалаха вновь занял свое высокое положение, а замешанных в его обвинении епископов он имел мудрость не подвергать наказаниям, тем более смерти, лишь двоих он лишил их чина.

Хан Аргун искал поддержки христианского населения, он „любил их“, по признанию источника, но „любовь“ эта имела глубокие политические причины. „Он положил себе войти, покорить и взять земли Палестины и Сирии“. Причем он правильно рассчитывал: „Если мне не помогут цари западные, христиане, я не выполню своего желания“ (стр. 47). Чтобы выбрать посла к ним, он обратился к Ябалахе, который остановил свой выбор на Сауме, хотя ему очень трудно было его лишиться, так как именно Саума вел все дела патриаршей келии, т. е. патриархата и его канцелярии. „С твоим отъездом мои дела запутаются“, — жаловался Ябалаха. Но Саума сказал: „Я желаю и хочу этого сам“, и Аргун приказал составить ему грамоты „к царю ромейскому“, т. е. греческому, и французскому, дал ему ярлыки, письма и подарки для каждого царя. Кроме этого Сауме было выдано две тысячи миткалей золота, тридцать верховых животных и дана пайдза. Ябалаха со своей стороны послал „подобающие дары мар-папе“ и посильные подарки. Спутники многих лет расстались со слезами. До берегов Черного моря (іата мека, т. е. іата „море“ и мега „большой“, от греческого), у границы Византии, они добрались сушей, а дальше ехали морским путем и достигли „великого города Константинополя“ (стр. 49). Посольству

был отведен отдельный „двор“, была дана аудиенция Андроником II (1282—1328). Затем Саума посетил все достопримечательности города и особенно храм св. Софии.

Судя по тому, что император Византии „обласкал его и дал подарки из золота и серебра“, очевидно, миссия Саумы была им принята благожелательно. Посольство двинулось дальше „к франкам“.

Жизнеописание с большими подробностями рассказывает о посещении Саумой западных царей, причем многие наблюдения могут представить большой интерес.

После Неаполя, где он посетил Карла II, Саума был в Риме. Там только что скончался папа Гонорий IV (3 IV 1287) и беседу Саума вел с кардиналами, которым сообщил, что „монголы и каталикос Востока послали меня к мар-папе по поводу Иерусалима и письма прислали со мной“.¹ Это вызвало удивление, как и сообщение, что в землях „монголов, тюрок и китайцев“ проповедано христианство ими, восточными отцами и многими оно принято. Далее верным дипломатическим шагом было сообщение, что „хан, так как он состоит в дружбе с мар-каталикосом, у него есть желание взять Палестину и области Сирии, и он просит у вас помощи для взятия Иерусалима“ (стр. 58). В Италии после Рима, где ответа Саума не получил, так как папа еще не был поставлен, он отправился на север, побывал в Тоскане и Генуе, а затем проехал в Ломбардию и оттуда во Францию. В Париже король французский Филипп IV Красивый ответил Сауме: „Если монголы, которые вовсе не христиане, чтобы взять Иерусалим сражаются с арабами, тем более должно сражаться и нам и выступить с войском“ (стр. 69). А когда Саума собирался покинуть Париж, король сказал ему: „Одного из великих эмиров, который есть у меня, я пошлю его с вами, чтобы передать хану Аргуну ответ“, и подарил Сауме одежду и дары (стр. 72).

После этого Саума отправился к королю Англии Эдуарду I (1272—1307), который находился в 1287 г. на материке, в Гасконии. Ему была передана грамота Аргуна и его подарки. Король „Англетер“ (Англии, очевидно во французском названии) „очень обрадовался, особенно когда зашла речь об Иерусалиме, возросла его радость и он сказал: «Мы, короли этих городов, приняли знак креста на наше тело и нет у нас другой мысли, кроме этого дела. И освободилась моя воля, так как я услышал, что то, что я думаю, думает и царь Аргун»“ (стр. 73).

Саума возвратился в Италию, где встретился с папой Николаем IV, избранным 20 февраля 1288 г. Папа Николай сделал ему ряд ценных подарков, „дал на дорожные расходы 1500 миткалей красного золота“ и „царю Аргуну также послал некоторые подарки“ (стр. 84).

¹ Л. С. Пучковский. Заключительная формула в письмах иль-ханов Аргуна (1289 г.) и Ульдзейгу (1305). Советское востоковедение, VI, 1949, стр. 396—422. — A. Mostaert. Une phrase de la lettre de l'Ilkhan Argun à Philippe le Bel. Harvard Journal of Asiatic Studies, 18, 1955, № 1/2, стр. 200—220.

Саума возвратился к хану Аргуну, который продолжал склоняться к христианству и покровительствовал несторианам. Но вскоре он умер, в августе 1291 г. престол захватил его младший брат царь Кайкату. В отношении каталикоса Ябалахи он был щедр, подарил ему 20 000 динаров и 9 драгоценных одежд (дибаджун). Саума, сопровождая его в лагерь, попросился на покой и обосновался в Мараге, где построил себе церковь. Кайкату приезжал сюда и делал богатые подарки каталикосу.

В январе 1294 г. умер Саума, а через полтора года в сентябре 1295 г., были убиты хан Кайкату и затем хан Байду. Ябалаха попал в тяжелое положение, он подвергался гонениям, у него вымогали деньги и притесняли. Начался новый курс политики монголов, расхившийся коренным образом с политикой предшествующих ханов. Более благоприятно в отношении несториан и Ябалахи действовал хан Казан. Но Ябалаха находился в Арбеле, так как в Мараге все было разрушено.

После восстания и междоусобия в Арбеле дальнейшие попытки наладить отношения с ханами не увенчались успехом. Ябалаха просто сказал, что он „устал служить монголам“ и лишь по необходимости налаживал в ставке „дела христиан“.

Завоевание Иерусалима так и не состоялось. Ябалаха проводил последние годы жизни опять под Марагой, ему выдавалась ежегодно сумма в 500 динаров эмиром Иринджином, который правил в той области и был свойственником великого хана. Он дал ему и несколько деревень под Багдадом, т. е. поставил его в положение одного из феодалов, как на это указывают и прежние данные. Ябалаха умер 15 ноября 1317 г.

Так сирийское жизнеописание двух тюркских клириков-несториан, пришедших из Пекина к Багдаду, вскрывает полную интереснейших подробностей картину жизни Востока в период господства монголов.
